

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

История ленинградской Второй культуры полна легенд. Отчасти это связано с восходящей к Серебряному веку традицией мистификации и житнетворчества. Отчасти — с необходимостью сохранить в безопасности, а значит, в тайне от лишних взглядов редкие островки свободы на карте позднесоветского Ленинграда. Отчасти — с тем, что по прошествии многих лет события, которые не были задокументированы, находят пристанище в царстве неточных воспоминаний, пересказов и позднейших интерпретаций. Этот процесс естественен и составляет часть истории литературы. Однако если открывается возможность понять, как складывается легенда, как она соотносится с биографией, долг историка — этим воспользоваться.

Михаил Красильников стал легендой в два дня. 1 декабря 1952 года он, начинающий поэт, второкурсник отделения журналистики филологического факультета Ленинградского университета, вместе с двумя друзьями, Юрием Михайловым и Эдуардом Кондратовым, явился на занятия, одетый в русский народный костюм. Молодые люди записывали лекцию гусиными перьями, пили принесенный квас, пели песни. Как результат — фельетон в «Комсомольской правде»¹, проработки на собраниях, исключение из ВЛКСМ и университета. 7 ноября 1956 года Красильникова, восстановившегося в ЛГУ и ставшего центром притяжения для филфаковских оригиналов, арестовали за выкрикивание антисоветских лозунгов в день ноябрьской демонстрации и приговорили к четырем годам мордовских лагерей.

Публикуемые дневники были изъяты при обыске через несколько дней после ареста вместе с личными документами, Евангелием, романом Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту» и еще

1 Гарбузов С., Давидьянц А. До следующего происшествия // Комсомольская правда. 1952. 11 декабря. С. 3.

несколькими изданиями². Книги впоследствии были возвращены родственникам, а дневники приобщены к делу в качестве вещественного доказательства³. Благодаря доверенности от младшей сестры Михаила Красильникова Ирины Михайловны Кирилловой в 2019 году их удалось вернуть из архива Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Теперь они хранятся в Архиве Гуверовского института войны, мира и революции в составе личного фонда Михаила Красильникова, сформированного там еще в начале 2000-х⁴.

Более полувека дневники никто не открывал, и тем, кажется, проще для нас попробовать прочесть их так, как они и были написаны рижским старшеклассником и ленинградским студентом в 1951–1956 годах. Не искать тревожных предвестий, не высматривать обещание гениальности в друзьях (хотя талантливыми современниками судьба не обделила Красильникова). Такой взгляд позволил бы нам не прибегать к возникшим позднее устойчивым представлениям и терминологии, о которой не помышляли герои записей. Так, традиционное для описания советских 1950-х разделение десятилетия на эпоху позднего сталинизма и оттепели было совсем не очевидно для автора дневника. Конечно, и смерть Сталина, и реабилитация «врачей-убийц», и (в меньшей степени) разоблачение культа личности в 1956 году поражали историческим масштабом, но не стали заметными сюжетами дневниковых записей Красильникова. Тем более возможности свободного творчества и оригинального поведения были испробованы им еще при живом Сталине, а бюрократизм и косность советской системы никуда не делись и после XX съезда КПСС. Приметы официальной оттепели — публичные требования искренности, призывы к дискуссиям — вызывали у Красильникова не симпатию, а лишь едкие комментарии в сторону «искателей сермяжной правды».

Дневник помогает по-новому посмотреть и на творчество круга поэтов, который теперь принято называть «Филологической школой». Сами поэты: Леонид Виноградов, Михаил Ерёмин, Александр Кондратов, Сергей Кулле, Лев Лосев, Юрий Михайлов, Владимир Уфлянд — школой себя считали едва ли. Очень уж непохожими они были не только на официальную «университетскую» поэзию, но

2 Протокол обыска опубликован на с. 230–232 наст. изд. Книга Рэя Брэдбери не указана в нем, но перечислена в постановлении об определении материалов, изъятых при обыске: Следственное дело М. М. Красильникова. АУД № П-80516 / Архив УФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской обл. Л. 22.

3 Постановление о приобщении к делу письменных документов опубликовано на с. 256 наст. изд.

4 Hoover Institution Archives. Mikhail Mikhailovich Krasil'nikov papers. Collection No 2000C29.

и друг на друга. Но молодость, совместное обучение в университете, страсть к литературе, упоение свободой, тяга ко всему непохожему да, в конце концов, водка объединяли не хуже, чем иных манифесты. Легендарным и, пожалуй, наиболее точным стало ироничное (само)-определение «Филологической школы» как «компании собутыльников, притворяющейся литературной группой»⁵. Или наоборот.

Красильников в этом «маленьком космосе», по словам Льва Лосева, был «центральной звездой»⁶. О его обаянии, оригинальности, остроумии пишут и другие мемуаристы⁷. Благодаря этим воспоминаниям сохранились осколки его поэтического наследия тех лет — экспромты и эпиграммы, фрагменты неопубликованных стихотворных экспериментов. Большая часть известных на сегодня его стихов написана позднее, в 1956–1960 годах в тюрьме и лагере. Поиск и публикация текстов, созданных в годы существования «Круга Михаила Красильникова»⁸, позволила бы определить истинное, а не легендарное значение поэта для становления литературы раннего ленинградского андеграунда⁹.

Вопиющая неординарность поступков Красильникова и его круга (помимо описанных выходов — купание в Неве под окнами ЛГУ в дни ледохода, «турниры» по выпиванию киселя в университетской столовой) и при этом жесткость реакции властей на чудачества молодых оригиналов взывают к необходимости как-то рационализировать эти поступки. Понять, что же это было. При этом скупость источников неизбежно сводит их объяснение к одной из привычных моделей. Скажем, вариативность воспоминаний о том, что именно кричал Красильников в день демонстрации в 1956 году, позволяет описать эту историю и как пример публичного политического протеста, и как

5 *Ахметьев И. А.* Еще подействует // *Арион*. 2001. № 1. С. 45.

6 *Лосев Л.* Красильников // *Лосев Л.* Меандр: Мемуарная проза. М., 2010. С. 238.

7 *Герасимов В. В.* Из беседы с Юлией Валиевой // *К истории неофициальной культуры и современного русского зарубежья: 1950–1990-е. Автобиографии. Авторское чтение / сост., отв. ред. Ю. М. Валиева.* СПб., 2015. С. 491–493; *Крейд В.* Футурист пятидесятых годов // *Даугава*. 2001. № 6. С. 62–69; *Самойлов А. П.* Единственная игра, в которую стоит играть: Книга не только о спорте. СПб., 2014. С. 129–130; *Уфлянд В. И.* «Если Бог пошлет мне читателей...» СПб., 1999. С. 190–193; *Цимбал И. С.* Думала о тебе и думать буду // *Звезда*. 2021. № 4. С. 160–174; *Шарымов А. М.* Стихи и комментарии. СПб., 2006. С. 154–155.

8 Такое определение поэтическому сообществу ленинградского филфака 1950-х дали составители антологии «Самиздат века»: *Самиздат века / сост. Стреляный А., Сапгир Г. и др. М., 1999. С. 455–463.*

9 На сегодняшний день наиболее полная подборка стихов М. М. Красильникова опубликована к пятилетию со дня его смерти Борисом Равдиным в журнале «Даугава»: *Красильников М. М.* Стихи // *Даугава*. 2001. № 6. С. 129–144.

самоценное художественное высказывание с нарочито абсурдным и внеполитическим содержанием¹⁰. Обе версии имеют под собой безусловные основания, но в чистом виде ни одна из них не способна объяснить логику участников «политической демонстрации» или «хепенинга». Что-то постоянно ускользает.

Публикация дневников Михаила Красильникова не предлагает окончательного ответа на вопрос о соотношении политического и поэтического в его биографии. Более того, многие записи только усложняют понимание этого. Так, переживания Красильникова по поводу исключения из комсомола в 1952 году заставляют сомневаться, настолько ли противопоставляли себя режиму «трое с гусиными перьями». То, что внимательное знакомство с русским авангардом начинается уже после исключения из ЛГУ — «коли уж пришили ко мне кличку „неофутурист“, надо хоть знать футуристов» — приводят нас к выводу, что «неофутуризм» не был не только самоназванием группы Красильникова — Михайлова — Кондратова, но и вряд ли в полной мере определял логику их поведения. Небесспорным оказывается и рассмотрение этой тройцы не то что как творческой группы — устойчивой дружеской компании.

Красильников начинает вести свой дневник с типичной для любознательного советского школьника мотивацией «записывать в него свои впечатления от жизни, книг, кино, театра». Даже если обращать внимание только на изменения читательских и зрительских вкусов автора, мы увидим, как стремительно подросток, предпочитавший музыкальную комедию «Кубанские казаки» фильму «Щедрое лето» и ожидавший выхода второго тома романа Михаила Бубеннова «Белая береза», превращается в начитанного молодого человека, чьи интересы многократно шире сложившегося к 1950-м советского культурного канона. В дневнике есть записи и о прочитанных классических произведениях, и о современной литературе, но по ремаркам легко заметить, с чем автор знакомился по необходимости, а что оказалось действительно важным. Повесть «Наш корреспондент» Александра Гончарова или роман «Иван Иванович» лауреата Сталинской премии Антонины Коптяевой можно прочитать

10 Каталогизацию версий об «антисоветских лозунгах» впервые провела Наталья Горбаневская, сама склонявшаяся к версии о них как о проявлении «стихийного житнетворчества» Красильникова и компании: *Горбаневская Н. Е.* Михаил Красильников — один из... // Горбаневская Н. Е. Прозой о поэзии и поэтах. М., 2011. С. 157–161.

только «от безделия». Даже прогрессивные советские авторы того времени — Вера Панова, Владимир Померанцев, Илья Эренбург не вызывают у Красильникова интереса. Интересны авторы не советские: от русских футуристов (симпатия к которым растет по мере знакомства) и поэзии 1920-х годов до «Путешествия на край ночи» Луи-Фердинанда Селина, от бульварной литературы, издававшейся в «буржуазной» Латвии в 1920–1930-х, до французских сюрреалистов. Культурное образование дополняют джазовые пластинки, походы в филармонию и Эрмитаж — в залы современного французского искусства.

В какой-то мере здесь можно увидеть свидетельство того кризиса воспитательной функции советской культуры, который гораздо подробнее проанализирован на материале последующих десятилетий¹¹. Действительно, после смерти Сталина система, стремившаяся воспитать правильного советского человека, все чаще дает сбои и позволяет работать над своей личностью не по лекалам, предлагаемым соцреализмом, а каким угодно иным образом. При этом биографический образец, на который ориентируется Красильников, взят из советского культурного пантеона — можно сказать, что он «делает жизнь» с Маяковским¹². Но он сопоставляет свое «я» не с Маяковским — «лучшим, талантливейшим поэтом эпохи» — а с лирическим героем его поэзии, «таким большим и таким ненужным». Язык стихов Маяковского был усвоен Красильниковым еще в ранней юности (многие его цитаты в дневнике даже не закавычены) и помогал облекать в слова переживания жизненных неурядиц. Например, скитаясь по Ленинграду в поисках съемного жилья, он переименовывает «Бруклинский мост»: «Отсюда / бездомные / в Неву кидались / вниз головой». А когда сам задумывается о самоубийстве, любимый поэт легитимизирует возможное сведение счетов с жизнью, хотя до того Красильников «презирал самоубийц и не мог простить Маяковскому его конца».

Таким образом, Красильников воспринимает Маяковского не как поэта-борца (в таких терминах он, скорее, оценивает другого

11 Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось: Последнее советское поколение. М., 2014.

12 Влияние поэзии Маяковского на приобщение авторов советской неподцензурной литературы 1950–1980-х к традиции русской модернистской поэзии отмечено в мемуарах (Лосев Л. Тулупы мы // Лосев Л. Меандр. С. 279–280) и подробно проанализировано в работах Михаила Павловца. См. напр.: Павловец М. Г. Наследие Маяковского vs Хлебникова в рецепции авторов неподцензурной литературы // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. Т. 18. № 1. С. 269–275.

своего кумира — Назыма Хикмета), а как (пост)романтического культурного героя, стоящего в одном ряду с тургеневским Рудиным, Люсьеном Шардоном из «Утраченных иллюзий» и селиновским Бардаю, также упомянутыми на страницах дневника. Свойственное юности чувство отчужденности от окружающих усиливалось у Красильникова из-за остро переживаемого им высокомерия ленинградцев по отношению к приехавшему в столицу «провинциалу». К этой обиде на «коренных» однокурсников примешивались материальные проблемы и долгие безуспешные попытки восстановиться в комсомоле после возвращения в университет в 1953-м. Отсутствие комсомольского билета укрепляло ощущение несправедливости, источником которой представлялся «неласковый» город Ленинград. Однако стоит признать, что Красильников сам неоднократно ловил себя на чрезмерной драматизации происходящего с ним: «Почему-то, как правило, обращаешься к дневнику в минуты довольно грустные для себя. Когда весело, нет времени записывать в дневник, да и как-то писать нечего. А в грустные минуты — душу выворачиваешь».

Записи же веселых минут сохранили не только массу деталей студенческой повседневности и культурной жизни Ленинграда первой половины 1950-х годов, но и свидетельства зарождения независимого искусства, тем более ценные, что, в отличие от позднейших мемуаров и интервью участников, они не предлагают интерпретации произведений и поступков в привычных теперь терминах «андеграунд», «авангард», «независимое/неподцензурное искусство». Единственной дефиницией, которой Красильников награждает свои и Юрия Михайлова опыты, является самоироничное «формальные искания / формалистические пустяки». Но учитывая, что до этого «формалистическими трюками» он называл стихи Велимира Хлебникова, можно сделать вывод не только об успешном преодолении через иронию усвоенного языка советской литературной критики, но и о выстраивании собственной творческой генеалогии. Наследие футуристов обнаруживается не только в поэтике Красильникова и Михайлова, но и в книгоиздательских экспериментах, и в идее поставить оперу «Победа над Солнцем». И даже известные по мемуарам Льва Лосева распевы Хлебникова и Пастернака на мотивы популярных мелодий во время прогулок и посиделок, которые теперь подтверждаются записями Красильникова, вероятно, находят свои корни в утверждении Маяковского о том, что стихи Ахматовой «очень удобно петь на мотив „Ехал на ярмарку ухарь купец“»¹³.

13 Осинский Н. Современные писатели и революционный народ (еще о дискуссии на одноименную тему) // Правда. 1922. 27 августа. С. 3. Цит. по: Катанян В. А.

Поскольку представленные в настоящем издании дневники сохранились в качестве приобщенных к следственному делу вещественных доказательств, мы приняли решение опубликовать в виде приложения те следственные документы, копии с которых было разрешено снять в архиве управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Это материалы, касающиеся непосредственно Михаила Красильникова: анкета арестованного, протокол обыска, протоколы допросов его самого, а также допросов его отца и тети, обвинительное заключение по делу. Приговор ленинградского городского суда и определение Верховного Суда РСФСР об оставлении приговора в силе печатаются по копиям, выданным Михаилу Красильникову и сохранившимся в Гуверовском архиве войны революции и мира. Также в приложении приводятся некоторые материалы надзорного производства Прокуратуры СССР, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации.

Публикация приложения представляется важной по двум причинам. С одной стороны, протоколы допросов Михаила Красильникова во многом дополняют текст его дневников. Отвечая на вопросы следователя, он продолжает анализировать свою жизнь. При этом если об обстоятельствах ареста, то ли прикрываясь состоянием опьянения, то ли действительно, не помня, Красильников ничего не говорит, то показания о предшествовавших 7 ноября 1956 года днях и месяцах достаточно подробны, не противоречат записям дневника, а где-то даже более откровенны. Так, на допросе 25 декабря 1956 года он, воспроизводя риторику «критики воспитательной работы на филологическом факультете», еще раз проговаривает свое разочарование и обиду на студентов и преподавателей филфака, комсомольскую организацию ЛГУ.

С другой стороны, даже в отсутствие возможности в полном объеме познакомиться с материалами следственного дела работа с документами следственных, судебных и партийных органов осени 1956 — лета 1957 годов усложняет наше понимание логики «властей» — соавторов легенды о Михаиле Красильникове. Реконструкция хода следствия по этому делу, равно как предложение нюансированной

Маяковский: Литературная хроника. М., 1948. С. 167. Нет оснований утверждать, что Красильникову и компании были известны неопубликованные на тот момент воспоминания Лили Брик «Чужие стихи», где она подробно описывала «дикие песни нашей родины» — развлечение Владимира Маяковского и Давида Бурлюка, заключавшееся в пении различных стихов на известные мотивы.

интерпретации событий 7 ноября 1956 года и реакции на них в Ленинграде, — задача будущих исследований, однако уже сейчас необходимо сделать несколько замечаний.

Осенью 1956 года организации КПСС всех уровней и органы государственной безопасности были обеспокоены возможностью начала в Советском Союзе беспорядков по образцу только что подавленного Венгерского восстания. Протестных акций ждали, но в отличие от других проявлений несогласия с режимом и солидарности с венгерскими повстанцами (отдельные протестные высказывания, распространение листовок, формирование подпольных политических кружков, попытки организовать публичные дискуссии) выступление Михаила Красильникова и товарищей оставалось непонятным.

Действительное содержание лозунгов, которые выкрикивала группа нетрезвых студентов, вряд ли можно восстановить, но не будет неоправданным допущением предположить, что в тот день Михаил Красильников решил повторить с малознакомой компанией любимую игру, когда во время демонстрации наряду с официальными лозунгами выкрикивались здравицы друзьям, любимым писателям и художникам, а также нарочито абсурдные лозунги. Ответное «Ура!» подхватывалось всей праздничной толпой. Известно о том, что такому развлечению Красильников со товарищи предавался на ноябрьской демонстрации в 1952 году, и на майской — в 1956-м¹⁴. В ноябре 1956-го список адресатов здравий и проклятий, вероятно, расширился благодаря событиям в Венгрии и разворачивавшемуся в те же дни Суэцкому кризису: свидетельские показания и позднейшие мемуары фиксируют диаметрально противоположные лозунги, посвященные актуальным политическим событиям.

Демонстративное нарушение ритуализированного порядка торжественного мероприятия бросало вызов монополии советской власти на публичное высказывание и могло быть воспринято как политическая провокация. Однако в ноябре 1956 года Красильников не успел присоединиться к праздничным колоннам — его с друзьями задержали на Пушкинской (ныне — Биржевой) площади, когда основные праздничные мероприятия уже завершились. Значит ли это, что они выкрикивали антисоветские лозунги? Увы, это предположение нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. Но именно политические выкрики расслышал гражданин, чьи свидетельские показания легли в основу обвинения. Уже в день задержания Красильникова на

14 См. подробнее: К истории неофициальной культуры и современного русского зарубежья... С. 469–470, 478; а также с. 244–245 наст. изд.

допросе он перечисляет как лозунги, вошедшие в обвинительное заключение («Долой коммунизм» и «Долой Хрущева»), так и те, выкрикивание которых доказать не удалось, но которые упоминались другими свидетелями, в том числе из числа участников «демонстрации» («Да здравствует свободная Венгрия», «Да здравствует свободная Россия», «Да здравствует свободная Латвия»)¹⁵. Не пытаясь обесценить политические убеждения Красильникова¹⁶, я хотел бы обратить внимание, что содержание лозунгов, как фигурирующих в материалах следственного дела, так и воспроизводимых позднее в мемуарах, характеризует, скорее, не его взгляды, а политические чувства тех, кто вспоминает о событиях 7 ноября 1956 года (для одних — страхи, надежды — для других).

Речь идет не о сознательной фальсификации показаний и воспоминаний¹⁷, а об особенностях передачи информации в условиях ограниченной публичности. Поскольку пресса молчала об оппозиционных выступлениях и политических арестах, устные сообщения о них, передававшиеся как в форме слухов, так и в выступлениях представителей компетентных органов на партийных собраниях, неизбежно искажались. Одним из наиболее существенных и распространенных искажений следует считать интерпретацию событий и дополнение недостающих сведений по готовой объяснительной модели. Сама форма события — арест по политической статье за выкрикивание лозунгов, содержание которых с точностью неизвестно — подсказывала наиболее простую и непротиворечивую интерпретацию в терминах публичного политического протеста. Представляется,

15 Следственное дело М. М. Красильникова. Л. 55 об.

16 И до, и после ареста Михаил Красильников не стремился напрямую высказываться о политике, за исключением ситуаций, обязывавших его к этому. Есть понятные основания не доверять его заверениям в политической лояльности, сделанных на комсомольских собраниях, допросах и во время судебного заседания. Но и в единственном своем интервью, записанном Софьей Чуйкиной в 1991 году, Красильников избегает характеризовать собственные политические взгляды, коротко аттестуя лозунги, за которые его посадили: «Ой, кричал ужасные вещи» (Беседа Михаила Красильникова с сотрудником Санкт-Петербургского отделения Всесоюзного общества «Мемориал» Софьей Чуйкиной. 26–27 октября 1991 г. // Даугава. 2001. № 6. С. 115)

17 Хотя, например, утверждение секретаря университетского парткома на районной партийной конференции, что «возвращавшиеся с демонстрации рабочие Выборгской стороны взяли за шиворот Красильникова и его друзей и доставили их куда надо» (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4. Оп. 20. Д. 2. Л. 28.), скорее всего, являются свидетельством попытки скрыть участие штатных сотрудников КГБ в задержании студентов.

что так не только поддерживалась убедительность обвинения на следствии и суде, но и формировалась легенда об оппозиционной политической демонстрации. Контекст недавно подавленного Венгерского восстания, активное участие в котором принимала городская учащаяся молодежь; сведения о том, что многие советские студенты высказывались в поддержку восставших; хрестоматийный образ студента-бунтаря — все это помогало поверить в то, что ленинградские студенты использовали праздничную демонстрацию как пространство для публичного политического протеста. Дата события — годовщина Октябрьской революции — способствовала еще одному искажению. Публичное выступление в день Седьмого ноября локализовывалось там, где в этот день обычно происходят демонстрации — на главной площади города. Слухи о выступлении Красильникова распространялись по Ленинграду уже в конце 1956 года, и, как минимум, с середины 1960-х появляется устойчивая версия о том, что оно происходило на Дворцовой площади¹⁸.

То, что сейчас становится задачей исследователей памяти, в 1956–1957 годах стало проблемой для органов следствия и суда. Через месяц после ареста Красильникова старший помощник прокурора города Ленинграда по надзору за следствием в органах госбезопасности Анастасий Ронжин докладывает в Прокуратуру СССР, что «доказательств против КРАСИЛЬНИКОВА очень мало»¹⁹ — ни подследственный, ни свидетели не могли точно показать, что именно он кричал в день ареста. В начале 1957 года, когда расследование в основном было завершено, Прокуратура СССР отмечает «серьезные упущения и недостатки в расследовании дела» и настаивает на производстве дополнительного расследования²⁰. По его завершении 11 апреля 1957 года судебная коллегия Ленинградского городского

18 См. напр. упоминание об этом в травелогe югославского публициста Михайло Михайлова: «В Москве и в Ленинграде мне рассказывали о выступлении группы студентов одного технологического института в Ленинграде в 1956 году во время Венгерского восстания. Студенты пришли к бывшему Зимнему дворцу — сейчас Эрмитажу — и кричали:

— Руки прочь от Венгрии!

Конечно, они исчезли из института и из города». (Михайлов М. Лето московское 1964. Frankfurt-am-Main, 1967. С. 124–125).

19 Сообщение старшего помощника прокурора г. Ленинграда в Прокуратуру СССР о ходе расследования уголовных дел о государственных преступлениях // ГАРФ. Ф. 8131. Оп. Д. 31. Д. 73915. Л. 4.

20 Заключение Генеральной прокуратуры СССР о неудовлетворительном проведении расследования по делу М. М. Красильникова. 21 февраля 1957 года // ГАРФ. Ф. 8131. Оп. Д. 31. Д. 73915. Л. 9.

Полностью документ опубликован на с. 259–262 наст. изд.

суда, познакомившись с выводами следствия, в предварительном заседании посчитала, что «действия Красильникова следует квалифицировать по ст. 74 ч. II УК РСФСР [Хулиганские действия], т. к. выкрики антисоветских лозунгов Красильников допустил будучи пьяным, из хулиганских побуждений, не имея контрреволюционного умысла»²¹. Это определение было опротестовано городским прокурором, и 18 мая новый состав судебной коллегии заключил, что «предъявленное обвинение Красильникову материалами дела обосновано и имеется достаточно доказательств»²². 4 июня 1957 года Красильников был приговорен к четырем годам заключения в исправительно-трудовом лагере с последующим поражением в правах сроком на два года.

Дневники Михаила Красильникова представляют собой три общие тетради, записи в которых охватывают период с марта 1951 года по ноябрь 1956-го. Первая тетрадь (1951–1952) изначально была озаглавлена «Дневник Красильникова Михаила. 1951 год», однако позднее автор уточнил датировку записей и расписал их содержание: «Дневник Красильникова Михаила. 1951 год — 1952 год. Школа — университет». Вероятно, тогда же сделана и роспись содержания на обложке второй тетради (1952–1954): «1952 [год]. Университет, вольность, завод, полупризыванность, университет». Изначально на обложке стояла только подпись владельца: «МКрасильников». У третьей тетради (1954–1956) обложка отсутствует. Вынесенный на «титульный лист» подзаголовок «Труды и дни М. Красильникова» используется в качестве названия для настоящей публикации.

Записи в тетрадях сделаны синими или фиолетовыми чернилами разных оттенков. Сплошная пагинация на нечетных страницах, введенная в первых двух тетрадях, вероятно тогда же, когда и вынесенная на обложки роспись их содержания, не воспроизводится. Страницы третьей тетради не нумерованы.

Если не указано иное, подчеркивания и исправления в тексте — авторские. Стихотворения до 26 сентября 1951 года дезавуированы автором: поверх поэтических текстов голубыми чернилами

21 Определение подготовительного заседания судебной коллегии по уголовным делам Ленинградского Городского суда. 11 апреля 1957 года // Следственное дело М. М. Красильникова. Л. 309.

22 Определение подготовительного заседания судебной коллегии по уголовным делам Ленинградского Городского суда. 18 мая 1957 года // Следственное дело М. М. Красильникова. Л. 321.

М. КРАСИЛЬНИКОВ

1952 [ГОД]

УНИВЕРСИТЕТ, ВОЛЬНОСТЬ, ЗАВОД, ПОЛУПРИЗВАННОСТЬ, УНИВЕРСИТЕТ

23 февраля 1952 г.

Вопреки всем предположениям, пришлось вернуться в Ленинград 11 февраля вместо 15-го. Не сумел уговорить отца. Но, может быть, это и к лучшему. Опоздай я на 3–4 дня больше, был бы шум. А в Риге пожил я неплохо, время зря не потерял. Попытаюсь восстановить на бумаге все, что я делал в каникулы.

Приехал в Ригу утром (вернее, днем) 24 января. В поезде не скучал, знакомых было много. Особенно обрадовался я, когда увидел Володю Абрамсона, о котором ничего не знал, начиная с августа. Переговорили с ним обо всем. И все-таки не чувствовал я себя с ним как с другом, просто и хорошо. Почему-то иногда такие же чувства возникают, когда я наедине с Валдисом, хотя он мне и самый лучший друг. Но я отклонился. Вот почему я был рад, что мне не пришлось идти с ним в город. Его встречали отец и мать — пожилые, степенные евреи. Вышел из вагона и увидел Володьку. Он почти не изменился, такой же весельчак. Пальто нараспашку, на голове какая-то кепочка. Словом, какой он был, такой остался. После первых приветствий решил сходить в школу к Толе и Сашке, благо погода была исключительная — солнечная и немного морозная. Пошли в Московский район. Оказалось, что учатся они в 16[-й] школе, а не 27ой, как я предполагал. Это примерно в 15–20 минутах ходьбы от вокзала, а то и меньше. Сторож открыл нам дверь (она, как ни странно, запирается). Поднялись на второй этаж и остановились у дверей 10[-го] «А» класса. Звонка еще не было. Закурили, но нас попросили выйти на улицу. В общем, мы этим пренебрегли. Только прозвенел звонок, дверь с треском открывается — и вылетает, не видя нас, Толя, что-то отчаянно жестикулируя. Пришлось положить ему на плечо руку. Ну а там

пошло. Перезнакомились со всей школой. Толька и Сашка не пошли на урок. Договорились встретиться часа через два, и я (угол листа утрачен. — *Ред.*) ушел домой.

29 февраля.

На последнее пороуху не хватило — «грандиозное» описание каникул осталось в голове. Ну и пусть. «То, что нам дорого, не забывается», и я думаю не забыть те дни. Кто знает, когда вновь увижу своих друзей, да и увижу ли вообще? Буду надеяться, что встретимся летом.

А моя жизнь течет если не по-прежнему, то, во всяком случае, и не по-новому. Изменилось только время лекций — мы теперь с вечера. Пока не знаю: хуже это или лучше? Свободного времени все так же хватает (лекции не обременяют), потому-то и стал сейчас больше читать. Впрочем, чтение «легкое», а не по программе. Перечел все, что есть здесь, о Шерлоке Холмсе Конан-Дойля, «Записки писателя» Телешова, «Путь энтузиаста» Каменского закончил сегодня, совсем недавно. В перспективе — «Заговорщики» Шпанова и «Воспоминания» Вересаева. Только вот образ жизни у нас не совсем здоровый, а именно — спать ложимся под утро, встаем — часа в 2, редко раньше. Питаемся, правда, лучше, чем прежде. Но зато совсем забросил физкультуру — прошел позавчера на лыжах 10 км, и вот уже 2 дня еле волочу ноги. И в мыслях какой-то ленивый хаос. Даже писать больше не хочется.

6 марта.

Наступил четвертый день моего подвижничества — четвертый день, как я не курю. Бросил. Как-никак скоро соревнования по самбо, а чувствую я себя паршивенько. Кашляю. Не знаю, будет ли какой-нибудь результат. Вчера был на медосмотре — во всем улучшил свои «антропометрические данные» и даже попал в сильную группу. И может быть, впервые не обрадовало меня прибавление в весе. Это значит, что бороться придется в более высокой весовой категории. А в остальном все хорошо. Кончил сегодня «Записки врача» Вересаева и приступаю к его же «Воспоминаниям».

В последнее время я пристрастился почему-то к мемуарной литературе, к художественной не тянет. С особенным удовольствием читаю все, что попадает, о футуризме. Нравится, конечно, не сам футуризм (не стихи или картины), а жизнь футуристов — жизнь очень веселая. Вот и сегодня взял книжку Лившица «Полутораглазый стрелец». Наверное, будет много интересного. Хочется почитать еще «[Роман] без вранья» Мариенгофа да «Великолепный очевидец»

Шершеневича. Тогда можно будет сказать, что знаю литературную жизнь нашего века.

В университет не пойду. Весь день буду читать, благо, что от дня осталась только половина. Голова немного побаливает — не выспался. Опять повздорил с Вовкой. Но сам он виноват. Самомнение чересчур раздутое — хочет, не считаясь с мнением других, чтобы считались с его мнением. Большинство стычек происходит на этой почве.

Денег, как обычно, нет. Идти поэтому некуда — ни в кино, ни в театр, ни — даже — в музей. Вот и сижу дома да скучаю. Из дому и от друзей нет ни слова, ни о ком ничего не знаю. Сашки и Тольки, может, и дома давно нет. Тогда неясно, почему они не пишут. В ближайшую субботу побываю у Вали Степанова. Не видел его черт знает с какого времени. Нельзя забывать старых товарищей — если не их, то кого же тогда еще помнить. И от Брони совсем откололся. И сам он виноват. Впрочем, винить его нельзя — слишком много времени прошло и слишком мало общих интересов осталось. А жить на одних воспоминаниях надоедает.

4 апреля.

Недавно проснулся. Полежал немного в постели, подумал и вспомнил, что есть у меня дневник, который я не открывал целый месяц. Все было недосуг. А сейчас делать нечего, решил записать что-нибудь. Сегодня будет физкультура, а все тело болит еще от позавчерашней тренировки.

Вот что значит долго не тренироваться. Поломали всего меня на соревнованиях, а весь энтузиазм к самбо почти улетучился. Осталась слабая надежда на открытый ковер.

В университете дела идут по-прежнему, т. е. не делаю ровным образом ничего. Курсовую работу надо было сдать 1 апреля, а я и до сих пор к ней не приступил. Паршиво и по марксизму и литературоведению — очень мало отвечаю. По английскому вчера писали полусеместровую работу, и я убедился, что отстал во многом даже от Солохова¹, Соколова, не говоря уже о Кондратове, Ениной² и т. д. Вовка почти нагнал меня, и слов знает уже никак не меньше.

В культурном отношении тоже деградирую бесповоротно. В Риге послушал «Ивана Сусанина» и больше ни в каких театрах

1 Алексей Сергеевич Солохов (1922–?) — в 1951–1956 годах студент филологического факультета ЛГУ, инвалид Великой отечественной войны.

2 Адель (Ада) Викторовна Енина (1933–2018) — журналистка; в 1951–1956 годах студентка филологического факультета ЛГУ.

не был. Да что уж там — и в кино-то не бываю. Посмотрел обе серии «Тарзана» и только. Читаю мало, и больше мемуарную литературу. Прочел и «Полутораглазый стрелец», и «Роман без вранья». К сожалению, других книг такого же типа не видел.

Другого почти не читаю.

Из дому писем нет, от ребят (кроме Сашки) тоже. Только так вообще молчит. Не знаю почему. Ну, поссорился он с Сашкой, а я чем же виноват? Если не придет ответ, напишу ему еще пару строк и хватит. Придется это дело бросить.

6 мая.

Денег нет. Трагическая фраза, но сколько раз пришлось мне ее повторять за последний месяц! А месяц прошел очень бурно. Все мы были одержимы какой-то страстью к выпивке. Вроде культа — выпивка ради выпивки. Своего апофеоза достигла наша деятельность начиная с 28 апреля — с получения стипендии. В тот же день я так нахлестался, что забыл все. Пытался заночевать в сквере на 1ой Красноармейской, да спасибо ребятам — нашли. Короче говоря, у меня на сегодняшний день — 1 рубль 55 копеек, которые я с трудом уберег от уплаты за проезд в автобусе. Все попытки кондуктора остались безрезультатными. Кончилось тем, что мы перешли на взаимное облаивание, близкое к мату. Итог — спасение 10 копеек.

Сейчас собираюсь писать Агрику, буду просить его о вспомоществовании. Прислал бы хоть рублей 100. Просить очень неудобно (ведь он прислал мне перед маем!), но что поделаешь — голод не тетка.

10 мая.

Плохо, если нет друга. А у меня его сейчас нет. Есть товарищи, их не так уж мало. А друга нет. Как Сашка или Толька. Потому, наверное, у меня все время подавленное настроение, если я не выпил. Да и когда выпьешь, становится не по себе. Кажется, Вовка мог бы быть другом (мне). Но он или не хочет этого, или мы друг друга не понимаем. А я не люблю непонятных гениев, людей, разочаровавшихся в жизни. Как правило, эти люди и жизни-то не видели. Я не верю, что он выше меня в каком-нибудь отношении. Значит — лицемерие. А между друзьями его нет. Сижу вот мрачный под настольной лампой и мечтаю — скорей бы приехал сюда кто-нибудь из наших. Впрочем, время меняет людей, и я не знаю, каким будет Сашка. А Толька что-то даже на письма не отвечает.

Жду прихода Эдьки Сергеева. Вот кто мне нравится. Прост, без ханжества и лицемерия. Побольше б таких ребят! Но учимся мы

с ним на разных отделениях, живем в разных местах и не сошлись настолько близко, чтобы называться друзьями. Просто хорошие товарищи.

Если нет друга среди ребят — заводят девушку. Я же такой потребности не ощущаю. И не жалею об этом. Разные там любви — выдуманы людьми, чтобы как-то обосновать самый обычный инстинкт. Позднее — привычка друг к другу, появляются общие интересы — семья. И все. Конечно, романтический ореол очень удобен, и от него, пожалуй, никогда не откажутся.

Впрочем, это только мои взгляды, и, может, я ошибаюсь. Дай бог, чтобы ошибся! Но только вряд ли.

Но это уже мудрствование, а я его не люблю. В личной жизни надо в основном жить сегодняшним днем. Словом, «что будет дальше — нам все равно». Так, по-моему, поется у Лещенко. Что ж, отчасти правильно.

Был сегодня у В. Степанова, но дома его не застал. Успокаиваю себя тем, что впервые увидел телевизионную передачу. Это лучше, чем одному проскакать весь вечер.

К черту. Надоело.

12 мая.

Едва продрал глаза — а делать уже нечего. Не в смысле, конечно, занятий. Я их за дело не считаю. Правильнее всего было бы сидеть и учить все пять наставлений по военному делу, экзамен по которому будет 15 мая. Или можно было бы почитать марксизм. Но это скучно {читать второй раз}³.

Был вчера на Кировском стадионе. Товарищеская игра динамовцев Ленинграда и Тбилиси. 0:0. На редкость серая и неинтересная игра. Приходится жалеть убитых на покупку абонеента денег. Но содеянного не исправить, и еще 7 игр придется обозревать с высоты своего абонированного места.

Встретил В. Степанова. Выпили у него немного. И всё.

18 мая.

Огневую подготовку сдал хуже, чем предполагал — только на хорошо. Повышенная стипендия улыбается мне. Как говорят, потерял всякий стимул. Пропала заинтересованность в итогах сессии. Впрочем, если все пойдет удачно, попытаюсь пересдать и злополучное военное дело. Съездил только что в Озерки к тете Гале. У них

3 На полях авторская приписка: «позднейшая вставка XII. 52 г.».

несчастье — тяжело заболела мать Алексея Федоровича. Она очень уж стара, да в придачу еще гипертония. Чем-то кончится?

Сейчас сижу дома. В окна бьют солнечные лучи, и, кажется, становится тепло. А утром всюду крутил снег. Весна, ленинградская. В Риге теплее в это время. Хотелось бы снова побывать там. Потерплю еще полтора месяца — ну а там и махну на Взморье, где наши снимают дачу. Жаль одного — ребята поразъедутся кто куда. Август будет скучноватым. Тем более что денег-то у меня не будет. Эх, найти бы какую-нибудь халтуру. Наш мудрый руководитель Соколов, и тот берет рекомендательное письмо, чтобы работать в газете! Кстати, он и наш куратор Нелли едут так же, как и я, в Ригу. Там увидимся. Еще задача передо мной — надо уговорить ребят ехать к нам в Ленинград. Скорлоти здесь хорошую кофлу.

Сегодня прочитал брошюрку Исаковского «О поэтическом мастерстве». Первая книга, прочитанная больше чем за месяц. В культурном отношении так что деградирую полностью и бесповоротно. До сих пор не был ни в одном театре. Да и не побываю, наверное, в этом году. А ведь МХАТ у нас гастролирует⁴. Не на что билет купить — все лишние (и не лишние) деньги пропиваем, как только они заводятся.

Из Риги на днях пришло сразу два письма — и от Сашки, и от Тольки. Нового, правда, до прискорбия немного.

23 мая.

Глубокая ночь — что-то около 3 часов — а я не сплю. Не могу уснуть. Почему — не знаю. И не думается ни о чем. Сумбурно идут у нас дни. Для примера опишу хотя бы сегодняшний. Он — характерен. Особых отклонений от него нет и в другие дни. Слабо разнообразит жизнь выпивка.

Проснулся часов в 11, даже в двенадцатом. Полежал, покурил, нежась в постели. Проснулись ребята. Не было только Верика (он ушел сдавать экзамен по военному делу и, кстати, сдал его на три). Потолковали этак до половины первого и порешили вставать. Толька вытащил свою бандуру, как мы, в зависимости от настроения — ласково или презрительно, называем его аккордеон. С удовольствием послушали музыку — любимую «Зореньку», русские песни. Поехали ближе к университету, а точнее — в столовую. Денег у меня нет.

4 Гастроли МХАТа в Ленинграде проходили с 10 по 28 июня на сцене Выборгского дома культуры. Красильников посетил спектакли «Мертвые души» 10 июня и «На дне» — 21 июня. См. также записи от 23 мая, 12 и 23 июня 1952 года.

Пришлось занять у Вовки. Пообедали и около 3^х отправились на факультет. Но тут вот и случилось событие, которое резким диссонансом врывается во всю нашу предыдущую практику — мы взяли билеты на МХАТ — «Мертвые души» и «На дне». Это, кажется, единственное отклонение сегодняшнего дня от нормы. Билеты по 30 рублей, до стипендии. Зато стипендия, как говорится, распродана по одиночке.

О посещении 1ой лекции не было и разговора. Разыскивали свободную аудиторию и начали резаться в настольный футбол (незамысловатая игра, которой я очень увлекался еще в Риге). Я пока «чемпион» по этому виду спорта. Протыкались в него {еще} часок и вспомнили, что у нас должна быть семестровая работа по английскому языку. Разошлись. Вовка пошел учить (не знаю, как он выполнил это благое намерение), я тоже пошел в читальню и взял... стихи Бунина. Впрочем, скоро они надоели, и я, как сирота, побрел по факультету. Благо начался английский. Работа была легкой, но я ничего не знал. И спасибо Свете Самохиной⁵ (ее я сегодня даже склонен был считать симпатичной девочкой!) — она фактически сделала за меня всю контрольную. Вовка же погорел — не перевел 8 из 10 предложений. Но он не упал духом, и мы, захватив с собой Эдьку Кондратова, снова отправились играть в настольный футбол.

В 9 часов — семинар, последний в этом семестре, по русскому языку. Настроение у нас поднялось неизвестно по какой причине, и мы задумали немного подебоширить (в групповых масштабах). Вели себя до крайности нагло, отстаивали заведомо неправильные мысли. Так, слово «нет» отнесли к 6 частям речи. Нам терпеливо разъясняли наши ошибки, что подливало масла в огонь.

Наконец и семинар прекратился. С тоской думали о предстоящем возвращении домой, но позадержались — сначала с Ф. Коничевым, которому подарили «Спортивную классификацию», написав на ней:

«Мы говорим тебе снова и снова —
Палец в рот не клади Вострой!»

Это его умилило. Потом долго разучивали способы обмана городской телефонной сети. За этим занятием еще полчаса убили. Совсем уж было направилась домой, но на Дворцовом мосту увидели Аду Енину и ни с того ни с сего отправились ее провожать, говоря друг другу разные пошлости и почти не замечая ее. Она приняла нас за пьяных. А ведь хмельного 3 дня во рту не было! Проводили.

5 Светлана Михайловна Самохина — в 1951–1956 годах студентка филологического факультета ЛГУ.

Ехать домой на трамвае — скучно, на автобусе — нет на билет, и тоже скучно. Пришлось пешком. К 12³⁰ были дома. У дверей носом к носу столкнулись с Толькой, потерянным еще в 4 часа. Опять же покурили, легли спать, потолковали о поэзии, о Сергее Есенине и т. д. И вот все, кроме меня, мирно почивают. Завтра предстоит почти полное повторение пройденного. Так и существуем. Домой последнее время хочется. Осталось меньше полутора месяцев и какая-нибудь неделя до экзаменов. А не делаем ни на йоту. Как будем их сдавать — почти не представляю. Написал «почти», и то для того, чтобы хоть немного себя успокоить.

Попробую уснуть. «Спокойной ночи», — скажу на прощание самому себе. Холодно на улице, как поздней осенью. И спать не спится.

25 мая.

Вечер, необычно теплый для ленинградской весны. Говорят, начинаются белые ночи. На мой взгляд, они пока ничем не белей ночей рижских. Особенно июньских.

Приехал только что со стадиона. Играли «Спартак» и «Динамо» 1:1. Игра была интереснее, чем все предыдущие. Впервые не пожалел о купленном абонементе. Вчера тоже смотрел игру тбилисцев и «Зенита». На стадионе вместе с нами была А. Енина. После матча шли пешком и всю дорогу несли какую-то ерунду вроде: «Ты жалкая и ничтожная личность. — Мне лень говорить тебе то же самое». Устали, как собаки. Часа в 2 хотел уж было уснуть, но пришел Верик и привел вдребезги пьяного Эдьку. Пришлось на время оставить мысли о сне. Зато прочел 3 рассказа Франса — «Кренкебиль», «Граф Морен» и «Господин Тома». Не слишком много, но лучше, чем ничего.

Как мало я все-таки читал! Разговаривая с Адой, я начал самоуничижаться признаниями о своем полном незнакомстве с Гончаровым, Тургеневым, Некрасовым, Салтыковым и т. д. Шутка шуткой, а я сам ужаснулся.

3 июня.

Лето пришло незаметно. Еще 31 мая было холодновато, дул ветер, изредка моросил дождь. А вчера настоящий июньский день. Было даже жарко. В такие дни очень неинтересно сдавать экзамены. Но пришлось. 29 мая — зачет по древнерусской литературе. Вся моя подготовка к нему заключалась в том, что я нахлестался водкой до потери сознания. Не помню ничего. Очнулся часов в 5 утра на ступеньках дома, где живет тетя Галя, и долго не мог понять — утро уже или все еще вечер. Но зачет сдал удачно, правда при помощи книги.